

Богота:

Диснейленд для первертов

Единственное, что я знала о Колумбии до поездки, было почерпнуто из разговора с американкой Сильвией. Как-то она решила заказать порцию рома с кока-колой в одном колумбийском баре. Бармен уточнил: «Просто *soke* или с ромом?» — и на недоуменное Сильвиево «с ромом» принес ей стакан рома и впечатляющих размеров кокаиновую дорожку на желтой пластиковой тарелке.

Текст и фотографии: Карина Абдусаламова

В другой своей истории Сильвия, проходя по оживленной улице, увидела двух сидящих на скамейке колумбийцев средних лет, которые, словно загипнотизированные, вертели головами в такт невидимому маятнику. Сильвия не выдержала и, подойдя к ним, спросила, за чем они так увлеченно наблюдают. Как оказалось, они играли в игру, отгадывая, какая из проходящих задниц дарована богатой колумбийской природой, а какая — наращена талантливыми пластическими хирургами.

Задницы и кокаин. Шакира и Пабло Эскобар. Габриэль Гарсиа Маркес. Мертв.

В самолете по телевизору показывают промо «Путешествие в Колумбию»: изумруды, горы, оранжевые дикие кошки, красивые женщины в национальных костюмах и — да — с задницами. «Сокровищница мировой культуры» — этим скромным эпитетом заканчивается рекламный ролик. Панель захлопывается обратно в стену, пилот объявляет, что мы идем на посадку.

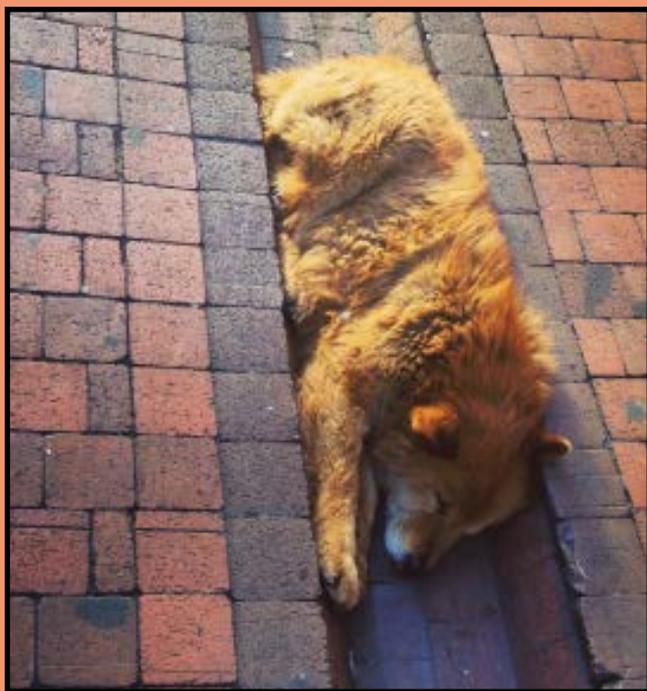
В столице Колумбии Боготе холодно и первые несколько дней тяжело дышать разреженным

горным воздухом. Люди вежливые и спокойные. По улицам переваливающейся походкой медленно передвигаются толстые бездомные собаки. Стены домов и бетонные заборы, окружающие индустриальные кварталы, покрыты психоделическими граффити, на которых, как иллюстрация сумятицы современной Колумбии, изображены аборигены, дети, роботы и жертвы войны. В историческом центре, районе Ла-Канделария, на каждом углу стоит полицейский с псиной: сколько вынюхали эти бедолаги за свою собачью карьеру!

Географически Богота разделена на двадцать кварталов, так называемых барриос (*barrios*), наиболее занятыми из которых являются Ла-Канделария (*La Candelaria*), Чапинеро (*Chapinero*), Санта-Фе (*Santa Fe*) и Теусакильо (*Teusaquillo*).

Ла-Канделария

Извивающаяся холмами Канделария напоминает улицы Амстердама, Питера и Сан-Франциско одновременно. Здесь бронзовые люди

сидят на черепичных крышах пряничных домов, выложенные брусчаткой дороги непременно ведут к какому-нибудь монументальному историческому сооружению, будь то храм, музей или особняк правительственного здания на главной площади. *Chorro de Quevedo* (это другая площадь, поменьше) — Мекка любителей ферментированного напитка чича, по вкусу напоминающего сильно забродивший фруктовый кефир. Стены переулка, ведущего к площади, покрыты мифическими рисунками, там же располагаются лавки с хенд-мейд-аксессуарами сомнительного качества.

Chorro de Quevedo — Мекка любителей ферментированного напитка чича, по вкусу напоминающего сильно забродивший фруктовый кефир

Первая же моя прогулка по Канделарии обратилась ностальгическим поеданием пельменей в русском ресторане *La Estrella Polar*. Пельмени в симбиозе с розовыми столами, диско-шаром, колумбийским фолком и ирландским пивом произвели благотворный эстетический эффект, и от умиления у меня навернулись слезы. Прямо в блины.

Что касается традиционных колумбийских яств, то начать можно с уличной еды, напри-

мер с ареп — оладушек с сыром — или карамельных вафель, которые готовят на каждом углу. Местные, нужно сказать, имеют довольно специфическое представление о вкусовой сочетаемости продуктов, предпочитая окутать сырное печенье в чашку с горячим шоколадом, а потом отлавливать соленый размякший хлеб, одиноко дрейфующий на просторах того, что когда-то называлось напитком. Миф о колумбийском кофе, к счастью, соответствует реальности: крепкий до зубного скрежета даже в автоматах и черный, он по непонятной причине именуется колумбийцами *tinto* («сухой»), что в остальных странах Латинской Америки применимо только к красному вину. Словом *cafe* они называют только кофе с кокаином. Шутка. С молоком.

Ла-Эле

Канделария — самое растиражированное туристическое направление города: хостелы, лавки молодых дизайнеров, бары для выпивох-толстосумов, изысканные кондитерские — район, кажется, существует для того, чтобы туристы из благополучных стран не истосковались по дому на родине дона Эскобара. Однако губу раскатывать тоже не стоит: не все Канделария, что блестит, а вернее, Канделария одним роскошеством не ограничивается. Богота не рассчитана на романтические ночные прогулки под луной. Туристический оазис со всех сторон обрамлен весьма неблагополучными кварталами, случайно забрести в которые — развлечение не из приятных. Даже Парк журналистов (*Parque de los Periodistas*) в сумеречной дымке кажется таким гадливым, что хочется переименовать его в парк немного другой профессии.

С другой стороны, а чего? На то она и Богота, а не Копенгаген. Жизни вашей, скорее всего, ничего не угрожает, но начеку стоит быть всегда: здесь любая благопристойная улица рано или поздно незаметно сползает в угрюмый переулок (а то и квартал), кишачий люмпенами. Самый живописный образчик подпольной жизни Колумбии, район Эл-Картучо (*El Cartucho*), или Ла-Эле (*La L*), располагается всего в двух автобусных остановках от исторического центра. Ла-Эле — главная наркотическая артерия страны: там бурлит оборот всех существующих в Колумбии наркотиков. Сияние Ла-Эле, которое видно издалека, лучше всего наблюдать из окна автобуса: площадь,

предваряющая квартал, буквально кишит сомнамбулического вида существами, циркулирующими по периметру с черными мусорными мешками за плечами. Место выглядит так, будто бы полчаса назад там произошла радиоактивная катастрофа: обитатели Ла-Эле, кажется, повывлазили из-под земли после полувекового сна, а теперь слоняются по городу в поисках свежих мозгов. Сам квартал со всех сторон оцеплен полицейскими кордонами. Зачем они там стоят, понять здравому уму не под силу: охранять они ничего не охраняют, ни с кем не борются и никого не защищают. Всякий может беспрепятственно пройти внутрь этого гигантского драг-маркета за покупками; на выходе этот всякий, правда, будет остановлен, проверен и отпущен с миром. Вкупе с тем фактом, что Ла-Эле подпирает здание Министерства военного рекрута, этот формальный досмотр обнажает и без того довольно очевидный коррупционный механизм.

Богота не рассчитана на романтические ночные прогулки под луной. Туристический оазис со всех сторон обрамлен весьма неблагоприятными кварталами, случайно забрести в которые — развлечение не из приятных

Несмотря на мое безграничное желание, посмотреть Ла-Эле собственными глазами случай так и не представился. Единственным посредником между двумя мирами для меня стал уличный скрипач Хоакин, который проживает в самом сердце трущоб со своей безногой подружкой. Он без смущения поведал, что деньги, заработанные игрой на однострунной скрипке (которая оказалась российского производства), идут на басуко — термоядерную отраву на основе кокаина. Эта штука почти мгновенно превращает

людей в способный лишь передвигаться кусок гниющей плоти. Бездомных, калек и наркоманов на улицах Боготы невероятное количество. По свидетельствам одного моего политизированного товарища, государство время от времени проводит «зачистки» с помощью полуправильной парамилитаристской армии. Обычно это происходит перед крупными международными событиями, когда привести город в порядок нужно быстро и меры должны быть эффективными: всех портящих городской ландшафт бродяг убивают и увозят далеко за пределы города. Почти как у Маркеса, когда бесконечные вагоны с трупами рабочих банановой плантации увозили прочь и неприятные воспоминания, оставляя жителей Макондо в счастливом беспомыслии.

Ла-Эле — главная наркотическая артерия страны: там бурлит оборот всех существующих в Колумбии наркотиков.

Жизнь Боготы действительно отдает привкусом магического реализма: история большинства мест здесь сопряжена с каким-нибудь мифом, подтвердить или опровергнуть который не может никто — на то он и миф.

У входа в Национальный парк (*Parque Nacional*) посетителей встречает гигантская железная леди в шляпке, комбинации и чулках на подвесах. Статуя сконструирована таким образом, что, с какой стороны на нее ни посмотри, она всегда стоит к тебе спиной. Тот самый политизированный знакомый однажды, проходя мимо парка, бросил: «Она была изнасилована». Я подумала, что статуя была создана в память о какой-то изнасилованной девушке. Но оказалось,

что изнасилована была именно железная леди. Несколько лет назад в Боготе орудовал маньяк, специализировавшийся исключительно на памятниках: по ночам он оставлял на своих жертвах знак, который в дневное время находили негодующие горожа-

не. Что стало с насильником, история умалчивает, но сейчас статуи, наконец, оставлены в покое.

Другая история, связанная с Национальным парком, открывает тему каннибализма. Как поведал мне другой знакомый, бездомные, живущие в этом парке, составляют специальную категорию с отличительными гастрономическими предпочтениями: они едят голубей, собак и иногда людей. Попытки прояснить эту историю привели меня к легенде о людях, проживающих в туннелях Боготы. В отличие от каннибалов Национального парка, обитателей туннелей я не раз видела своими глазами: они разводят костры по ночам и заунывно мычат мелодии, которые канализационным эхом доносятся из подземелья. Все, что попадает в туннель, исчезает там навеки. По слухам, это касается и людей: что именно делают с несчастными подземные обитатели (может, обращают их в свою, «туннельную», религию, а может, готовят из них ужин), осталось невыясненным. Но, по моим личным наблюдениям, жители канализации от обычных бездомных ничем не отличаются: ни тебе дьявольского огонька во взгляде, ни голодной улыбки.

Санта-Фе

Другое туристическое направление — бар-квартал Санта-Фе — является местным аналогом квартала красных фонарей. Влажность воздуха в этом районе доходит до абсолютной отметки из-за зашкаливающего уровня либидо. В каждом баре здесь нальют огненной воды, агварденте, и станцуют на коленках. По узким переулкам Санта-Фе расхаживают колумбийские грации в платях, которые, кажется, сделаны из чулка в сеточку. Именно здесь во время вечерней прогулки мне вспомнилась история Сильвии про задницы. Друзья, посмеиваясь над моим изумлением, посоветовали поехать в славный город Медельин, на родину Пабло Эскобара, где девушкам из состоятельных семей на пятнадцатилетие дарят первую пластическую операцию. Самое интересное, однако, происходит в травести-части района: здесь и наряды экстравагантней, и танцы жарче, и клиенты интересней. Очевидно, что просыпается Санта-Фе только к вечеру, бродить по его главным хорошо освещенным улицам с большим потоком людей относительно безопасно (насколько в принципе может быть безопасно

Государство время от времени проводит «зачистки» с помощью полуправильной парамилитаристской армии. Обычно это происходит перед крупными международными событиями

в Боготе): здесь мальчишки-подростки играют в футбол на пыльном пустыре незаконченных строительных работ, горячие проститутки кинематографически подмигивают пьяным туристам и в целом царит приятная дружеская атмосфера.

Продолжая тему, я не могу обойти вниманием другую историю из сексуальной жизни Колумбии. По слухам, в Боготе существует подпольная сеть публичных домов с животными. О них я слышана от многих знакомых, но, поскольку мне так и не удалось там побывать (чего уж, даже встретить хоть кого-нибудь, кто туда вхож), их наличие под сомнением. Подтвержденным же фактом является традиция, которая делает существование подобных заведений возможным. Карибское побережье Колумбии прославлено за счет сексуальных предпочтений его обитателей: проще говоря, там сношают ослов. Изначально совокупление с вислоухим было частью обряда инициации, через который мужчины карибского побережья проходят в довольно раннем возрасте, 11–12 лет. Объяснить, почему они до сих пор продолжают заигрывать с ослицами, попыталась команда журналистов *Vice* в документальном фильме *Asses of the Caribbean*. Хотя получилось занимательно и остроумно, большинство встретившихся на моем пути колумбийцев нашли содержание фильма оскорбительным и поэтому не заслуживающим внимания. Но это, скорее, вопрос менталитета, к которому мы еще вернемся. Итак, по одной из версий, звериные публичные дома существуют для выходцев с карибского побережья, которые, проживая в столице, тоскуют по привычным домашним развлечениям. И их можно понять: один из ключевых моментов фильма — эпизод с местным водителем такси, который согласился продемонстрировать кор-

респонденту, как это у них делается. Глядя ему в глаза, несложно поверить в то, что он действительно влюблен в животное.

Седьмая авеню и Чапинеро

Широкий проспект Седьмой улицы (*Carrera Septima*) тянется от туристической Ла-Канделарии напрямик к району альтернативной культурной жизни города — Чапинеро. Седьмая проходит через Парк независимости, который прилегает к зданию городского планетария. Однако он не стоил бы даже упоминания, если бы не следующее обстоятельство: прямо напротив него, Парка независимости, стоит памятник Джорджу Вашингтону. Надо сказать, что история колумбийского патриотизма полна такими нелепостями. Вспомнить хотя бы трагически известного футболиста Андреса Эскобара: на чемпионате мира 1994 года он забил гол в свои ворота, и колумбийская сборная потерпела поражение. По возвращении на родину он был застрелен своим компатриотом Умберто Кастро: тот пустил в Эскобара целых двенадцать пуль, с каждым выстрелом выкрикивая «Гол!». Эта история вряд ли удивит того, кому посчастливилось оказаться в Колумбии во время бразильского чемпионата мира по футболу. В патриотическом порыве колумбийцы красили в национальный триколор ногти, волосы, собак, машины. Первые две победы колумбийской

По узким переулкам Санта-Фе расхаживают колумбийские грации в платьях, которые, кажется, сделаны из чулка в сеточку

сборной так раззадорили жителей Боготы, что во время проведения матчей было запрещено продавать алкоголь. Эйфория забирала рассудок людей и уносила их жизни. Кроме футбола, красной тряпкой для любого представителя этой нации является тема кокаина, в любых проявлениях, особенно в шутках. Чувство юмора не самая сильная сторона этой нации.

По слухам, в Боготе существует подпольная сеть публичных домов с животными

Зато колумбийцы любят все русское, хотя «русскость» в их сознании все еще ассоциируется с революцией 1917 года, а не с Путиным. Так, например, одной из наиболее популярных собачьих кличек здесь является Троцкий. Без

шуток: прогуливаясь вдоль книжных полок с чашкой крепкого тинто, в анархистской букинистической лавке *La Valija de Fuego* (Cr 7, 46–68) можно случайно наткнуться на «Детство. Отрочество. Юность» Толстого на русском языке. Из бара *Radio Transistor*, что напротив, доносится монотонное мычание российской пост-рок-группы *Motorama*. Владельца бара без преувеличения можно назвать самым преданным поклонником этой команды в Боготе, а может и во всей Колумбии.

Через несколько кварталов располагается *Cafe Cinema*: на стенах здания нарисованы портреты колумбийских культурных и революционных деятелей, посвятивших свою жизнь борьбе против деспотии коррупционных режимов. Там можно выпить чай из листьев коки и послушать традиционную музыку в современных аранжировках. Вопреки названию, в *Cafe Cinema* кино не показывают. Полуподпольный бар *Caney del Tamarindo* представляет собой квинтэссенцию всего прекрасного, что есть в колумбийской культуре: его владелец, пожилой дон Мануэло, — страстный поклонник качественной музыки, крепких напитков и хорошей компании. В бар вхожи не все: дон Мануэло, раскрывая секреты персонального фейсконтроля, рассказал, что впускает в свой «Дом тамариндо» молодых людей, которые выглядят как художники, писатели, ученые или сумасшедшие — чтобы было интересно.

Седьмая раздваивается двумя идеологически разными Чапинеро: Высоким и Низким (*Alto* и *Bajo*). Чапинеро Альто — квартал, в котором живут представители творческой элиты Боготы, и атмосфера здесь соответствующая: элитное жилье, небольшие бары с дорогим алкоголем и закуской по цене ужина, кондитерские, в которых розовощекие гей-херувимы затапливают воздушные макаруни в полуоткрытые рты, цветочные лавки с дизайнерскими букетами. В Чапинеро Альто от хаоса колумбийской повседневности отдыхают те, у кого на это есть деньги.

Чапинеро Бахо — студенческая Мекка. От Седьмой вниз тянется вереница рок- и реггей-баров и забегаловок с эм-панадами и дешевым пивом. В Парке хиппи (*Parque de los Hippies*) по вечерам собирают-

ся представители всех существующих в Боготе субкультур за исключением разве что самих хиппи. Надо полагать, «дети цветов» в таком климате не выживают.

Ночная жизнь альтернативного сообщества Боготы зиждется на четырех слонах, имя которым *Latino Power*, *Matik-Matik*, *Theatron*, *Asilo*. В *Latino Power* проводятся поздние ночные концерты от румбы до скейт-панка, которые плавно переходят в тематические вечеринки. Клуб *Matik-Matik* — детище меланхоличного французского нойз-музыканта Бенджамина, который переехал в Боготу, открыл свою рекорд-студию с одноименным названием и теперь занимается отловом местных талантов. Диапазон жанров варьируется от традиционной гитарной фолк-музыки Венесуэлы до колумбийского травести-рока (я тоже верю, что о команде *Sabrothers* должен узнать весь мир).

Гигантский массив гей-клуба *Theatron* с семью танцполами на трех этажах и внутренним двориком создан, кажется, для того, чтобы в нем теряться. Плата за вход 15 долларов, что по меркам Боготы считается непростительной роскошью, каждый посетитель получает серый стакан — пропуск в мир бесплатного алкоголя. А дальше за закрытыми дверями совершается волшебство: по бесконечным лестничным пролетам и подсвеченным флуоресцентными лампами коридорам радостно носятся феи в радужных нарядах. За эту манифестацию невыносимой легкости бытия можно простить даже музыку, которая на всех семи танцполах одинаково плоха.

Asilo в музыкальном плане не страдает; даже напротив, вечеринки, которые проводятся в колумбийском клубе, дадут фору европейским и московским аналогам: серф, панк, диско, нью-вейв, дешевый алкоголь и красивые люди.

Однако самое интересное — биография этого места: до того как стать клубом, *Asilo* существовал в качестве притона. Прохаживаешься, бывает, по клубу и пытаешься угадать, каким целям раньше служила курительная комната или круглый танцпол с незажившим шрамом от выдранного шеста посередине.

В случае если у вас нет проблем с латинскими ритмами — вы точно найдете, где потанцевать. Хотя и здесь могут существовать свои нюансы: однажды нас с моим приятелем Джейком чуть не выставили из сальса-клуба за то, что мы пьяные скакали по залу с маракасами, подчиняясь музыке, играющей у нас внутри. От охранника-цербера нас спасли сами танцующие, которым нравилось наблюдать за двумя сумасбродными иностранцами. Но так везет не всем.

Палермо и Теусакильо

На границе между Чапинеро и уже немного спальными районами Палермо и Теусакильо пролегает царство интересных личностей. Здесь в канавах по утрам загадочные жители туннелей стирают свои вещи, король мусора Антонио Франциско ходит в магазин за яйцами со сковородкой, а возле лавки редких сувениров можно стать свидетелем органических солнечных танцев.

В патриотическом порыве колумбийцы красили в национальный триколор ногти, волосы, собак, машины

Широкий проспект Каракас протянут по городу главной автобусной линией Трансмиленио: взгляд скользит по витринам секонд-хендов, магазинов с бытовой техникой и товарами для животных, ни на чем не задерживаясь. Вдруг откуда ни возьмись статуя Будды, пузо которого сверкает золотом в лучах послеобеденного солнца. На Будде чудеса не заканчиваются: дальше появляется вращающийся куб с изображением Девы Марии на одной стороне и какого-то индейца с пером в носу — на другой, макеты рук с зодиакальными картами на ладонях и меланхоличный пластиковый Иисус в розовом плаще. Что за черт? Вывеска гласит: «Добро пожаловать в храм амазонского индейца» (*El Templo del Indio Amazonico*). Распихивая возмущенных пассажиров, выпрыгиваю из закрывающихся дверей автобуса. Индио

Одна из наиболее популярных собачьих кличек здесь — Трочкий

Амасонико оказывается тем самым карикатурным индейцем с пером в носу, это становится очевидно с первых минут пребывания в храме: помещение пестрит фотографиями, рисунками и статуями, воспроизводящими великого индейского знахаря в различных ракурсах. Храм представляет собой смесь лекционного зала с музеем и цирком. По количеству стульев можно предположить, что поклонников у Индио действительно немало. Заданный на входе мотив получает свое развитие во внутреннем убранстве храма и становится здесь более изощренным: истекающего кровью Христа Индио зачем-то застеклил в ящик для сбора средств, на полу параллельно друг другу лежат чучела ягнят, по стенам развешаны картины, в эротическом ключе повествующие о любви индейской пары. От такого эзотерического эклектизма вскоре покрываешься испариной. Храм сторожит не очень дружелюбная женщина средних лет; я было кинулась к ней узнать, где и когда я могу поговорить с гуру, но она, смерив меня насмешливо-снисходительным взглядом, ответила, что он живет в Лос-Анджелесе и говорить со мной не будет.

Однако духовности и эзотерики в Боготе хватит на всех: уже через несколько дней мне встретился владелец лавки *Macumba* — 80-летний старец Хайми, пешком исходивший Южную, Центральную и Северную Америку. Три этажа его магазина состоят из занятных вещиц со всего света, которые он получил в подарок или обменял на другие занятные вещицы. Каждая комната — отдельная экспозиция: маски, куклы, парфюмерные флакончики, головные уборы, чашки — все это собрано с изумительной скрупулезностью и скомпоновано с тонким вкусом. Сам Хайми, филантроп и мудрец, кажется, соткан из солнечной энергии, о которой постоянно говорит. В течение целого дня он может рассказывать о 25 годах своих путешествий и ни разу не повториться, пока двое его учеников босиком исполняют танцы во славу небу, кружась и извиваясь на улице рядом с его домом-магазином.

Единственный музей в Боготе, обязательный к посещению, — это Музей мусора (*Museo de la Basura*), о хозяине которого мы писали в прошлом номере. В нем нет ни доходчивых табли-

чек с экспликациями, ни раздела для детей, посвященного переработке мусора, ни устрашающих футуристических макетов мира будущего, тонущего в отходах. Музей мусора — это двухэтажный дом, до краев заполненный вонючим пыльным хламом, на втором этаже как абсолютная кульминация экспозиции на продранном тюфяке сидит пьяный владелец музея с бессменным стаканом виски в руках. И вряд ли возможно придумать кураторское решение лучше этого.

Помимо уже упомянутых районов, интересно побывать и на севере города: в этой части находятся арт-галереи с претенциозным искусством, американские рестораны, мегамоллы с одеждой из Европы. По ярко освещенным улицам ходят семьи местных богачей, стараясь выглядеть точно так же, как люди с картинок последнего каталога *Zara*. Север Боготы дорогой и скучный,

но приехать туда нужно хотя бы раз, чтобы посмотреть, как колумбийская элита представляет себе идеальный мир.

Богота — это Диснейленд для извращенцев: город, сотканный из немислимых мифов, окутанный предчувствием наступающей опасности, пропитанный похотливым душком. В Боготе возможно все: кажется, именно здесь открывается портал в другое измерение, откуда время от времени вылезают все эти чудачки с биографиями, в которые трудно поверить, с идеями, которых не найдешь ни в одной книге. Это очень абсурдное и странное место. Именно поэтому там нужно побывать. **М**